

Весь колледж поднялся на уши, в то время как члены дирекции думали: «Неужели ученик, одолевший Даоцзы, опять сделал ход?»

Цинь Му вздрогнул в сердце. Старый монах Цзин Мин привёл с собой Фоцзы Фо Синя с той же целью, что и старый даос Дань Янцзы привёл с собой Даоцзы Линь Сюаня, а именно, на протяжении трёх дней блокировать врата Имперского Колледжа, дабы “убить” сердца людей, лояльных текущим реформам Империи Вечного Мира, тем самым сокращая власть и влияние Имперского Колледжа, Императора Яньфэна и Имперского Наставника.

Тем не менее, три дня ещё не прошло, а Цзин Мин и Фоцзы Фо Синь уже собрали свои манатки и убрались восвояси, что говорило только об одном, кто-то одолел Фоцзы!

«Я ведь вырубал быка на обратной стороне горы... Меня даже рядом не было с горными вратами... Когда же тогда я успел одолеть Фоцзы Фо Синя?...» — растерялся Цинь Му. Но если молодого монаха одолел не он, то кто? Как вдруг ему вспомнились сказанные в соломенной хижине слова Патриарха. Судя по всему, те были не пустым трёпом, а значит кроме него в колледже были и другие способные одолеть Фоцзы ученики... И скорее всего, из-за того, что он отказался сражаться, Патриарх заставил одного из них сделать свой ход. Кроме того, тот ученик тоже, так же, как и он сам, повёл себя крайне скрытно, рискнув по-быстрому одолеть молодого монаха пока почти вся гора была парализована Потерянным Дурманом.

Помимо молодого монаха Фоцзы Фо Синя и старого монаха Цзин Мина, возле горных врат был только цилинь. Однако, даже несмотря на то, что цилинь умел говорить, существом тот был немногословным, и, судя по всему, без выгоды для зверя из него не выведать лишнюю информацию. Так что об этом источнике стоит сразу забыть... Хотя, если бы Цинь Му смог сбегать на обратную сторону горы к саду Ба Шаня и захомутать того бычка, то тогда дракономордый скорее всего бы что-то, да рассказал. Тем не менее, вновь парализовать зелёного быка, с учётом всплывших фактов, не представлялось возможным.

«Это даже к лучшему, что у Имперского Колледжа есть мастер сопоставимого со мной уровня», — с полуулыбкой подумал Цинь Му, явно не собираясь раскрывать личность того инкогнито, после чего вместе с Ху Лин’эр вернулся в Резиденцию Учеников. Многие местные уже где-то пронюхали, что имперские лекари получили рецепт “препарата”, что вырубил почти всю гору, именно от него, поэтому завидев его, сторонились в страхе.

— Старший брат Цинь, случайно не ты одолел Фоцзы?

Цинь Му повернул голову на источник голоса, где увидел Сы Юньсян, ту самую застенчивую, скромную и спокойную девушку, сумевшую вместе с ним поступить в Имперский Колледж. Из-за такой застенчивости, он парочку раз подтрунивал над ней, в итоге вгоняя в краску и ступор, при котором она не знала, что ей дальше делать и как реагировать.

— Конечно не я. Когда Фоцзы Фо Синя одолели, меня отчитывал Великий Ректор. Сестра Сян, когда сражался Фоцзы, ты что, видела кого-то похожего на меня? — покачав головой, спросил Цинь Му.

— Нет, я была парализована, поэтому без малейшего понятия, кто его одолел. Ах, моя голова до сих пор немного кружится... Но старший брат, увидев, насколько ты энергичен, бодр и полон сил, словно так и не был отравлен, я подумала, что, возможно, именно ты одолел Фоцзы Фо Синя, — тоже покачав головой, попыталась объяснить Сы Юньсян.

— Нет, тем человеком точно был не я. Мне и самому любопытно, кто сумел одолеть монаха, — с мерцанием во взгляде, улыбаясь проговорил Цинь Му.

Увидев, как кто-то смотрит на них, Сы Юньсян тут же забежала к себе во дворик и захлопнула дверку. Цинь Му попытался заглянуть внутрь, но не успел, ведь дверь захлопнулась прямо перед его носом, не оставляя ему иного выбора, кроме как вернуться к себе домой.

— С Сы Юньсян что-то не так, — бормотал про себя юноша, — она вообще не подвергалась воздействию дурмана. Надышавшиеся его не должны вести себя так, как она. Потерянный Дурман — своего рода обезболивающее, после пробуждения от которого человек в течение примерно шести часов чувствует себя не в своей тарелке... Но она вела себя совершенно нормально...

— Молодой мастер, Сы Юньсян не было среди той кучи парализованных у зала Высшего Исцеления, — подозрительным тоном проговорила Ху Лин'эр, и сердце Цинь Му слегка вздрогнуло. После выслушивания нотаций от Патриарха, тот заставил его остаться, чтобы помочь всем пострадавшим. Но ведь остался не только он, а и лисичка. Которая, кстати говоря, умудрилась обнести всех коматозных, дабы собрать "трофеи войны"... благо, он вовремя заметил, чем она промышляет, заставив вернуть всё награбленное обратно, иначе быть беде.

Тем не менее, Ху Лин'эр видела лица всех парализованных, поэтому если она говорит, что Сы Юньсян не было среди той кучи, то её действительно там не было.

— Маленькая лгуня, — невинно моргнув глазами, недовольно пробурчал Цинь Му. — Зачем ей было нарочно выбегать из своей резиденции и лгать мне? Если она так поступила, значит хотела, чтобы я её раскрыл. Говоря о поражении Фоцзы от моих рук, она всего лишь баламутила воду, истинной же целью такого поступка было сделать акцент на данном событии. Поэтому, практически наверняка, именно она его и одолела.

Цинь Му вдруг вновь вспомнил уверенные слова Патриарха о том, что в Имперском Колледже был кто-то ещё, кто способен одолеть Фоцзы!

Мог ли старик с самого начала знать, что у Сы Юньсян хватит для такого сил? Как он мог настолько точно оценить её способности? Девушка ведь совсем недавно поступила в Имперский Колледж!

Надо отметить, что даже Цинь Му, а нынче и молодой Владыка культа, был тщательно и неоднократно проверен Патриархом, прежде чем тот смог правильно оценить его способности... Всё это означало лишь одно, если, конечно, те слова не были пустым трёпом, а именно, что Патриарх прекрасно понимал Сы Юньсян. Даже намного лучше, чем понимал Цинь Му!

К тому же, фамилия той девушки — Сы, а беря в учёт её последний поступок, также и дурная привычка хвастаться...

— Ай да бабуля, умеет же хорошо провести время! — на этот раз с обидой, пробурчал Цинь Му.  
— Не стану её раскрывать, хочу посмотреть, что ещё она выкинет.

Парень собрался было закрыть дверь, как вдруг услышал голос Ба Шаня:

— Маленький бычок, заноси мои вещи.

— Да, старый мастер.

Канцлер Ба Шань открыл пинком дверку и вошёл во дворик резиденции. За ним по пятам следовал невероятно мускулистый бык, который, прямо сейчас, тащил множество упакованных вещей. Бык пока ещё не был способен полностью трансформироваться в человека, но, тем не менее, уже ходил не на четвереньках, как полагается обычному рогатому скоту. И, конечно же, бык оказался тем самым зелёным быком, которого вырубил пастушок.

— Какая комната моя? — спросил Ба Шань у застывшего в шоке Цинь Му. Не став дожидаться ответа, он повёлся как у себя дома, громко хохотнув. — Тогда, пожалуй, остановлюсь в западной комнате. Ваух! Ученик Цинь, а ты богат! Бычок, теперь у нас есть на что гульнуть! Раз сами звёзды указали мне путь, то, думаю, пора уже мне закончить свою затворническую тренировку и спуститься с горы за вином!

— Вино? — радостно воскликнув, Ху Лин'эр запрыгнула на голову быка и, с улыбкой от уха до уха, продолжила. — Я тоже в деле!

— Ты тоже пьёшь? Умеешь играть в винные шахматы? — неся на голове лису, поинтересовался бык.

Канцлер Ба Шань разобрал свои вещи и прибрался в комнате. Закончив с постелью, старик бросил взгляд на Цинь Му, который всё ещё стоял снаружи с ошеломлённой миной, и, рассмеявшись, сказал:

— Великий Ректор попросил меня стать твоей тенью, поэтому я, само собой, не мог отнестись к поручению халатно. Вот я и решил погостить у тебя, чтобы ты ненароком опять не набедокурил. Слова на двери написаны тобой?

Цинь Му рефлекторно кивнул головой, на что канцлер Ба Шань сильно хлопнул в ладоши и похвалил:

— Славно написано! У тебя хороший, властный почерк. Ты гораздо лучше тех нахлебников из Павильона Святого Искусств. Я так и не понял, какую пользу они приносят нашему Имперскому Колледжу. Откуда у них столько смелости брать у имперского двора зарплату? О, кстати, ты храпишь?

Цинь Му отрицательно покачал головой.

— Я храплю, — как заведённый, продолжил Ба Шань. — Среди членов дирекции нашего колледжа много тех, кто храпит, например Аббатиса И Цю! Ох, что за женщина! Своим храпом монахиня может потрясти мир. Ке-ке-ке, а вибраций от него хватит, чтобы убить быка с расстояния пяти километров. К счастью, старуха редко спит, предпочитая коротать ночи сидячими медитациями. Но, когда она засыпает, ученики всей горы могут забыть о сне...

Цинь Му, переминаясь с ноги на ногу, начал проявлять нетерпеливость. Ба Шань был довольно щедр на слова, балаболя даже больше, чем Вэй Юн.

Канцлер Ба Шань не затыкался больше часа, благодаря чему Цинь Му смог узнать об характерах, стиле работы, семейных дразгах практически всей дирекции павильонов и залов Имперского Колледжа. Павильоны и залы меча, кулака, заклатья, трёх ян, высшего исцеления, святого искусств, не обошло никого. Но больше всего старик оторвался на Этаже Небесных Записей, казалось, у него были отдельные счёты с ним... Он выдал все их секреты, вплоть до того, сколько у кого бастардов, и с кем крутит шашни старая монахиня. Каждую, чёртову, незначительную, деталь!

Зелёный бык и лиса даже успели вернуться из города, конечно же, хорошо подвыпившими, а также, судя по всему, побратавшимися. Со стороны они выглядели так, словно вылезли из утробы одной матери. Кажется, бык уже давно позабыл, что лиса и юноша пытались накачать его наркотой...

Ба Шань схватил очередной кувшин вина и несколькими глотками осушил. Немного заплетаясь языком, он продолжил:

— Пару дней назад я возвращался назад, и, кажется, видел своего мастера. Не ожидал, да? Хотя я и канцлер, но не заканчивал Имперский Колледж, я из школы боевых техник, поэтому у меня был мастер. Просто в своё время Имперский Наставник пригласил меня обучать учеников своим боевым техникам. Я ведь думал, что старик умер, откуда мне было знать, что он жив?

Ба Шань взял очередной кувшин, сделала несколько глотков, и, безучастно уставившись, продолжил:

— У него нет ног, но даже так он сумел убежать от меня. Такой быстрый. Как бы я ни старался, так и не смог догнать, а затем я повстречал слепого, который сначала избил меня и только потом начал задавать вопросы... Зачем я за ними следовал? Да, чёрт побери, такое спрашивают сначала, а потом уже в случае чего бьют... Разве можно вести себя так дико? Он даже втянул меня в поэтическое состязание, а когда я проиграл, сразу же без объяснений исчез...

Цинь Му некоторое время ошеломлённо смотрел в одну точку. Сильный практик боевых техник без ног и слепой любитель поэзии? Разве бывают такие совпадения?

«Похожи на моих дедушек. Когда они успели покинуть Великие Руины?»

Канцлер Ба Шань был уже вусмерть пьян, начав сплетать всякую несуразицу. Цинь Му колебался, не желая своим вопросом случайно взболтнуть лишнего, поэтому ненавязчиво обратился к быку:

— Зелёный бык, ты разглядел слепого?

Зелёный бык слегка робко посмотрел на Цинь Му. Было очевидно, что он по-прежнему помнил, что “кривая улыбка” парализовал его.

— Ты всё ещё дуешься? Ты же меня избил, а я тебя только вырубил, я даже волосинки с твоего тела не сорвал... Так с чего бы тебе так обижаться на меня? Разве ты когда-нибудь встречал человека с таким же великодушным сердцем, как у меня? — заискивающе улыбнулся Цинь Му.

Ба Шань протяжно отрыгнул и странно уставился на юношу. У выходца из Великих Руин, похоже, было какое-то странное понимание слов “великодушное сердце”. Вот старик и не удержался от ремарки:

— Ученик Цинь, ты ведь не только парализовал его, но и собирался съесть. Совершенно естественно, что он осторожничает.

— Что? Съесть? — изумлённо воскликнул бык. — Почему я впервые слышу об этом? Старый мастер, ты же сказал, что он всего лишь парализовал меня! О моём съедании не было сказано ни слова!

— Братец бык, разве ты никогда не слышал поговорки — “друзей заводят после боя”? — звонко

проговорила Ху Лин'эр, которая, прямо сейчас, развалилась меж рогов быка в обнимку с винной тыквенной горлянкой.

— “Друзей заводят после боя” — слышал, “друзей заводят после поедания” — вот как-то не довелось! — злобно возразил зелёный бык.

Выражение Ба Шаня стало ещё страннее. Было очевидно, что лисичка-демон из Великих Руин тоже не до конца понимала стоящий за фразой “друзей заводят после боя” смысл.

«Кто же воспитал проказника? Определённо настоящий мерзавец!» — на такой мысли Ба Шань решил подключиться к попойке маленькой лисы и зелёного быка. Цинь Му не мог знать о мыслях старика, да и пить не особо любил, поэтому отошёл в сторонку и начал отрабатывать удары.

Зрачки старика внезапно сократились, не будучи способными оторваться от навыков ножа в исполнении юноши.

Когда же Цинь Му закончил с практикой навыка Забой Свиной, Ба Шань резко подскочил, отбросил свою винную тыквенную горлянку, вытащил ножи и развёл руки в разные стороны. Размахивая ножами во дворике, раздался его взволнованный крик:

— Золотой нож, обрамлённый белым нефритом, через окно пронзает блеском ночь. Человек пятидесяти лет, ничего не добившийся в жизни, пересёк восемь пустынь держа в руке лишь нож.

П.П.: тут автор пастуха позаимствовал стих Лу Ю, а точнее часть, которую я со скрипом попытался правильно перевести (тяжко мне со стихами), разве что заменив меч на нож. Подробности о Лу Ю тут — [https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9B%D1%83\\_%D0%AE](https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9B%D1%83_%D0%AE)

Забой Свиной Шестой Формы — Через Восемь Пустынь с Одним Лишь Ножом в Руке!

Ножи старика столкнулись с ножом юноши, отбрасывая сноп искр. Когда оба навыка ножа нашли друг друга, Ба Шань громко рассмеялся:

— Четыре ль, пять ль декад, ветры и дожди слепы. Проходящие ль, мимолётные ль облака, нет худа без добра!

Цинь Му, выполнив Нет Худа Без Добра, столкнулся с ножами и прокричал:

— Не думай о хвастовстве, с наступлением кризиса — ты надежда народа! Взгляни на небо и море, весь пройденный тобой путь ничего не значит!

П.П.: а здесь была коммунистическая минуточка от дядюшки Мао Цзэдуна, как уж смог, не нашёл уже готовых переводов стихов...

Столкнувшись ножами, они оказались за спинами друг друга, держа ножи обратным хватом за спиной.

— Младший брат! — Ба Шань повернулся и приветственно поклонился.

— Старший брат, — в ответ приветственно поклонился Цинь Му.

<http://tl.rulate.ru/book/12626/313429>